ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Затаены ли в бессмысленности смыслы?..

Приглашение к спору

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.
А.С. Пушкин

В журнале «Сибирь» № 1 2019 г. обратил внимание на статью Людмилы Беляковой «ДЕТИ РОЖДАЮТСЯ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ СУТОК. О некоторых проблемах редактирования стихов». Я около пятидесяти лет занимаюсь рецензированием и редактированием литературных текстов, мне стало интересно, в чём автор видит эти самые проблемы, на мой взгляд, никаких проблем с редактированием нет. Es gibt kein Problem, как говорят немцы. Есть проблемы у авторов, которые не ведают, что творят, которые не созрели до понимания своего сочинительства, его смысла и цели, посему им нужен некто вроде собаки-поводыря по кривым лабиринтам текстов, а иногда и психолога, а может и психиатра, который введёт их в удовлетворённое состояние. Я понимаю, что Людмила Белякова несколько провокативно подходит к теме, но это и хорошо, разве можно сегодня серьёзно говорить о данном процессе, когда редактировать-то нечего, уровень большинства пишущих — уровень окололитературный, кандидатский, не дотягивающий до уровня «литературного работника», так в дипломе определена профессия выпускников Литературного института. Для примера требовательности к вступающим в Союз писателей в СССР, давайте вспомним поэтессу Елену Викторовну Жилкину, которая не один десяток лет «проходила в кандидатах». Да и некоторые ныне здравствующие писатели принимались в СП не с первого захода, а ждали годами.

Людмила Белякова пишет от имени нуждающихся в помощи: «А многие из нас действительно лауреаты, только не Нобелевской премии (не всё сразу! В.К.), а целой армии литературных конкурсов (поэтических, всероссийских, региональных, нефтехимической и газовой промышленности (особенно интересно! В.К), безымянных или названных в чью-то честь). Сами пишем, сами редактируем свои стихи, математически выверяя их по законам силлабо-тонического стихосложения. Чтобы и точная рифма наличествовала, и стихотворный размер был выдержан в лучших классических традициях, и логика присутствовала. Чтобы всё в наших произведениях соответствовало действительности, было точным, как протокол, составленный добросовестным работником уголовного розыска на месте совершения преступления».

Что тут можно сказать? Получается полное самообслуживание, зачем же в таком положении сторонний взгляд? Тем не менее, Людмила Белякова утверждает: «Редактировать тексты надо, никто не спорит. Чтобы не появлялись в печати перлы типа «мой взгляд упал на землю с головы» или «пером из облака луны»... «Даже самые разобиженные признают необходимость работы с редактором, мечтают найти своего, близкого по духу, помощника».

И опять хочется возразить: авторам, пишущим подобные «перлы», никто не поможет. Всё это нужно публиковать без всякого редактирования, но в специальной рубрике, которая существует, например, в «Сибири», «Сумочка к ребру», фраза взята из гениальной строфы Николая Чуркина, которую привёл Александр Вампилов в своём рассказе «Сумочка к ребру», авторы рубрики остановились в поиске на «Сумочке», а если бы подобные вирши печатались без редактирования, то название рубрики можно было бы менять в каждом очередном номере к всеобщему ликованию читателей. Вот эта строфа:

Из подворотни выбрел пёс лохматый
И вдруг завоил словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.

Она действительно гениальна в своём жанре, если десятилетиями остаётся в литературном фольклоре.

Сегодня редактор нужен автору в трёх потребностях: разобраться в своём творчестве, помочь издать книгу, вступить в Союз писателей.

Давайте вспомним, как работал институт редактирования в СССР. Это весьма поучительно и, вероятно, уже недостижимо.

Написал автор книгу. Принёс в издательство, единственное на всю Сибирь Восточную. Рукопись читают редакторы и делают заключение, можно её публиковать или нет. Если рукопись достойна внимания, её обсуждают на издательском совете и ставят в план издательства, и примерно через два года, с таким расчётом формировался план, выйдет книга тиражом, который определяется совместно с книготоргом, была такая всесоюзная организация. Тиражи тогда были огромными, поэзия издавалась в тысячах экземпляров, проза в десятках тысяч, а в московских издательствах — в сотнях тысяч. Сегодня тиражи крутятся вокруг 50-300 экз., всероссийские в несколько тысяч в лучшем случае.

Если по какой-то причине рукопись не получала одобрения, или возникали сомнения в качестве текста, её отдавали на рецензирование иркутским писателям. Если издательство не соглашалось с мнением, то рукопись могла быть отправлена на контрольное рецензирование, в другой город, скажем в Новосибирск, чтобы избежать местного кумовства, протекционизма, дружеских мотивов и т.д.

И я получал отрицательные заключения на свои рукописи, в этом, скажу, мало приятного, но со временем понимаешь правоту рецензента, с этого и начинается объективный взгляд на своё сочинительство.

Рукопись, не одобренная, скажем по-современному, «независимым» рецензентом, автору возвращалась на доработку, а над включенной в план начинал работать редактор, причём совместно с автором, согласуя каждую строчку. Если автор не согласен с мнением редактора, мог отказаться и настоять на другом редакторе. Была отлаженная система, которая работала на то, чтобы к читателю поступал качественный товар. После выхода одной, двух книг автора могли принять в члены Союза писателей. Талантливый автор был освобождён и от унизительной, на мой

взгляд, торговли собственными книгами, пристраиваясь на рынке в конце длинного прилавка с дешевым китайским ширпотребом. Торгашеские способности у талантливых писателей — качество редкое.

Советская система книгоиздания вывела нашу страну в ряд самых читающих стран мира, а советская литература продолжила великую традицию русской классики.

Редакторы работали с текстами, соответствующими уровню ЛИТЕРАТУРЫ. Без определенного уровня вход в литературу был запрещён. Кроме издательского редактора, привлекались и редакторы общественные, я уже не помню, в чём суть их участия, но, например, в книге стихов Юрия Аксаментова «Рябиновая гроздь», Восточно-Сибирское книжное издательство, 1970 г., в выходных данных стоит редактор Л. Глаголева, а на обороте титульного листа указан общественный редактор Сергей Иоффе.

Увы, век профессиональной массовой литературы закончился, на дворе век художественной самодеятельности. Властелином мира литературы, как и всего остального, стал рынок. Всё стало значительно проще и примитивнее, и в итоге — истинно талантливого писателя встречаешь реже, чем белого тигра в сибирской тайге, книг же печатается всё больше, они идут накатом на читателя, как валы в наводнение, и членов Союза писателей в несколько раз больше, чем когда были живы Валентин Распутин, Александр Вампилов, Алексей Зверев, Геннадий Машкин, Станислав Китайский, Анатолий Горбунов, Ростислав Филиппов. Если посмотреть на количество пишущих, то и талантов должно быть в несколько раз больше? Или что? А то, что количество не переходит в качество никогда и ни в чём.

Сегодня издаться проще простого: берёшь деньги в тумбочке, скачиваешь рукопись на флешку, выбираешь типографию, выбор печатных станков широк, и через максимум десять дней получаешь вожделенный тираж. И сразу несёшь книгу в Союз писателей и пишешь заявление о приёме в его члены.

А где же редактор? Где система? Как отвечал юный герой рассказа Владимира Гусенкова: «Нетути!»

Сегодня основную долю редактирования книг берут на себя писатели, казалось бы правильно, витии, инженеры человеческих душ должны справиться как нельзя лучше… Ан нет, не всё так прямолинейно.

Занимаясь редактированием текстов, работая долгие годы в журнале «Сибирь», я обнаружил, что не все даже талантливые писатели обладают способностью видеть недостатки и погрешности в своих текстах, при этом они могут видеть их в текстах чужих; иные не видят ни у себя, ни у других. Особенно это касается поэзии, потому что тема, рифма, размер, музыка стиха сбивают усреднённый слух, а абсолютный поэтический слух — явление более редкое, чем абсолютный музыкальный, поэзия сложнейший жанр, в ней соединяются и слово, музыка и живопись, и философия. А в музыке мы наслаждаемся сочетанием, порой волшебным, но только звуков и мелодий. Я предполагаю, что чувство поэзии может быть только врождённым. Его можно имитировать, развивать, совершенствовать, шлифовать, но на голом камне цветок не распустится.

Любое редактирование — это всего лишь приглаживание растрёпанных вихров. И не приводит к совершенству причёски. Это только макияж. Для талантливого автора, имеющего дар, это может послужить детонатором спящего чувства слова. И ещё выскажу крамольную мысль: до тех пор, пока пишущий человек сам не увидит недостатков в своих писаниях, он не станет настоящим писателем.

Редактирование посредственных текстов — занятие никчемное, достаточно опытного корректора, который поможет устранить языковые и смысловые нелепости. А так как автор может ничего не понимать в поэзии, если бы понимал, сам бы разобрался, то на помощь приходит писатель в авторитете, т.е. член СП. Он всё сделает «культурненько»: и отредактирует, как может, насколько способен сам, и предисловие напишет, и рекомендации добудет, и приём в Союз писателей организует, и восторженное слово скажет, может даже искренне, и голосование заранее подготовит. Как говорится, за всё заплачено. А так как критическая масса наскоро испечённых членов перевалила за разумно достаточную, оценочные критерии упразднены, главным лицом «литературного» процесса становится самодеятельный редактор. В прежние времена решали профессиональные.

Хотелось бы привести несколько примеров. Я не называю ни авторов книг, ни имён редакторов, мне важно показать явление, а не его носителей. Вот некоторые стихи, при чтении которых возникает одно сплошное недоумение, не стану их комментировать, развитому поэтическому вкусу всё понятно и без объяснений. Это стихи членов Союза писателей России.

* * *

Угол безглавый.
Головы в топке.
Грешен вовек даже правый,
В холод смелей даже робкий.

Голод обглодан,
Голос оборван.
Так за копеечку продан,
Так с зелена был сорван.

* * *

Руки обшарпаны стиркой,
Голос обшаркан бедой.
Сердце со старою дыркой
Выдам за цвет молодой.

* * *

Ночевала ночь в кисти художника,
Зачернив, исчертив черноту.
Она чёртом пугала заложника,
Обращая холсты в пустоту.

На смычке ночевала червонная,
Чёрным змеем шипела из нот.
Зачала череду похоронную,
Вместо сердца оставила грот.

* * *

До-верия, до Берии, до эры
Шагнуть и вынести, добиться, донести,
Отдаться перлу выверенной меры,
Как в заповедь войти и соблюсти.

Крушить не ради, биться не для чтобы,
Родить не за, служить не потому…
Доверие выводят не для пробы,
А если нет доверья к самому.

До веры — не до ненависти — горы,
Да годы ворохом, который перезрел.

* * *

И пусть те, кого любила,
Минут холм скупой и мрачный,
И пусть те, кого сгубила,
Ухмыльнутся в крест невзрачный.

* * *

И с надеждой на грядущий день
Я включаю таймер или зуммер,
Где событий будущая тень
Нам готовит сладких встреч безумье.

* * *

Любовь, в душе моей пылая,
Из сердца выхода искала.
Самой себя не понимая,
Она нема была, не знала
Ни свой язык, ни смысл свой.
Так в круче горной под скалой
Кипит, бурлит поток живой,
Освобожденья ожидая.

* * *

Будто знак подавая условный,
Шмель угрюмо гудит у окна.
Этот день, словно родственник кровный,
Весь печалью наполнен до дна.

* * *

«Затаены в бессмысленности смыслы,
Но истины отвёрнуто лицо».
Оно к нам в профиль.Терниями выстлан
Путь к истине. Но вот уже кольцо…

* * *

Зима, зима, пошли же мне Зефира.
И забери свой северный Борей.
В страну страстей, блаженства и эфира
Неси меня скорей! Скорей! Скорей! Скорей!
Морфей полночный прилетит за мною,
Всё будет не вчера, всё будет днесь.

Вместо комментариев повторю строки, которые здесь как нельзя кстати:

Затаены в бессмысленности смыслы,
Но истины отвёрнуто лицо.

Мог ли помочь редактор в данных случаях? Или помог? И на кого списывать эти нелепости, на автора или на редактора? Единого ответчика нет. Многое в книге зависит от компетенции редактора, но не всё. А надо ли подобные тексты дотягивать до печатного станка? Требовательный редактор за это не возьмётся. И кто

определяет критерии в не имеющем границ и правил литературном пространстве? В прежние времена этот уровень определялся профессионализмом редакторов и писателей, нацеленностью государства на высокую художественность.

Подобные стихи, и книги, составленные из подобных стихов, издаваемые за счёт государства, идут косяками, как горбуша на нерест, заполняя литературное пространство, размывая и разрушая существовавшую ранее стену между талантом и бездарностью.

Не знаю, к месту ли, но вспомнились стихи Юрия Кузнецова:

Ячейки с прахом разъедают стену,
Она на них едва ли устоит.